

Что делать человеку, на которого внезапно свалилось несметное богатство?

Что ж, для Ше Цзе, по крайней мере, жизнь текла своим чередом — как прежде, так и теперь. Разве что раньше он транжирил казну императорского дома, а теперь тратил собственное серебро. Впрочем, судя по всему, даже это состояние ему было попросту некуда девать, а золото и серебро продолжали течь к нему рекой — и это помимо платы за наём лавок.

У этого повального устремления непременно всучить Ше Цзе кучу денег было другое, куда более благопристойное и изящное название — «навещение больного».

И неважно, стояла ли за этим искренняя забота или притворное радушие: стоило лишь разнестись вести о том, что Наследник Ше наконец-то очнулся, как все, кто имел хоть какое-то отношение к резиденции принцессы, поспешили выразить почтение.

Вовсе не обязательно им что-то требовалось от самого Ше Цзе или от его могущественных покровителей — люди просто до смерти боялись отстать от остальных.

В Поднебесной испокон веков всё держалось на связях и долге вежливости. Страшно не то, что ты остался в стороне, а то, что ты остался в стороне, пока другие вовсю действовали. Оттого-то почтенные мужи и спешили наперебой задобрить наследника Ше. Они не надеялись снискать его особую милость — им просто не хотелось выглядеть белыми воронами.

Ше Цзе не находил в этом ничего особенного: в конце концов, принимать гостей лично от него никто не требовал.

Из всей череды визитёров единственным, кого Ше Цзе обязан был принять лично, оказался его младший дядя — сам император Шэнь-цзун, Вэнь Пэньцзы.

Да-да, правящего государя действительно звали Вэнь Пэньцзы. И не стоит спрашивать, откуда взялось столь несуразное имя, напоминающее о простом тазе: его величество сам не прочь был бы призвать к ответу покойного деда и выяснить, чем тот руководствовался при выборе.

Дорогой дядюшка Пэньцзы явился в первую же ночь после пробуждения Ше Цзе. Окружённый сиянием луны и звёзд, он пробирался в усадьбу украдкой, словно воришка. Ему, разумеется, хотелось нанести визит с подобающим блеском и помпой, однако ещё днём его величество поймали за рукава бдительные сановники — те дрожали от страха, будто государя непременно прирежут, стоит ему сделать хоть шаг за ворота временного дворца.

Время нынче стояло беспокойное, так что показать ради любимого племянника императорское величие государю не позволили. Пришлось идти на компромисс: днём покорно внимать увещаниям министров, а ночью пускаться в бег.

Стоит признать, задача перед ним стояла не из лёгких. Для почтенного мужа весом под две сотни цзиней проскользнуть мимо многочисленной стражи тесного временного дворца, а затем миновать бдительные взоры слуг из знатных усадеб по обеим сторонам Императорской улицы — дело поистине героическое.

— Твой дядя порхает легко, точно ласточка, — изрёк Шэнь-цзун, начисто лишённый способности трезво оценивать собственное телосложение.

— Да-са, и грации тебе не занимать, — поддакнул Ше Цзе. Лгать с честными глазами он умел не хуже царственного родственника, причём говорил это от самого сердца.

Одет император был без лишней роскоши: в простое алое ханьфу с круглым воротом, в высокие сапоги, а подпоясывал его широкий нефритовый пояс. Сам он, круглый, белокожий и румяный, лоснился от довольства и походил на храмовую статую Будды Майтреи, который взирает на мир с неизменной улыбкой, делая вид, будто людские страдания его вовсе не касаются.

Больше всего на свете Шэнь-цзун ненавидел утруждать себя телесными упражнениями. Он умел в мгновение ока сменить добродушную ухмылку сытого добряка на свирепый оскал, так что ещё задолго до восхождения на престол никто при дворе не осмеливался заводить при нём разговоры о похудении. Из-за этого порочного круга государь умудрился сгубить благородные черты лица, достойные первого красавца империи, и раздался вширь, точно дрожжевая пампушка.

Пять минут неспешной ходьбы заставляли его пыхтеть добрых два часа, и даже прохлада глубокой осени не спасала государя от обильного пота.

Отдуваясь и утирая пот шелковым платком, он утешал прикованного к постели Ше Цзе:

— Не переживай, скоро пойдёшь на поправку.

— А я уже надеялся в этом году отправиться с тобой в родные края, поклониться предкам, — с готовностью отозвался Ше Цзе, чей оптимизм тоже не знал границ.

— И отправимся, непременно отправимся! Отпразднуем вдвоём День поминания усопших.

Праздник Чонъюань, также известный как Юйланьпэнь, вопреки созвучию с кулинарными чашами, вовсе не прославлял утварь или яства — в народе его именовали Днём духов. По важности поклонения предкам он стоял в одном ряду с Цинмином и праздником Двух Девяток.

С тех пор как Ше Цзе спас жизнь покойному императору Вэнь-ди, он так и остался в Цзянцзо. Официально — ради поправки здоровья, истинные же причины не подлежали разглашению. Так или иначе, это затянувшееся лечение длилось уже без малого три года, и Ше Цзе вполне добровольно взял на себя обязанность совершать поминальные обряды на семейном кладбище.

К подобным делам Ше Цзе всегда подходил с особым рвением — он всей душой обожал любые торжества и сходы. Как иные мужи увлекались живописью или боевыми искусствами, Ше Цзе ценил возможность наполнить жизнь яркими событиями.

Очнувшись как раз накануне Чонъюаня, Ше Цзе усмотрел в этом перст судьбы. Словно само Небо, этот всемогущий, хоть и дальний родственник, решило напомнить ему о сыновнем долге.

Тем более что прах его покойного отца также покоился здесь, в землях Цзянцзо.

Неизвестно, откуда в головах этих двоих жила столь слепая уверенность, но они всерьёз полагали: стоит Ше Цзе провести в покое пару дней, как он вновь обретёт былую удаль.

Однако истина сурова: пролежать без чувств несколько месяцев и сразу же очнуться полным сил можно разве что на страницах дешёвых повестей. То, что Ше Цзе мог поворачивать голову и с чужой помощью садиться в постели, уже граничило с чудом. Но чудеса не происходят по первому требованию. Смертное тело, созданное из плоти и крови, требовало долгого, постепенного восстановления.

Старый управляющий и придворный лекарь Хэань вынуждены были вмешаться, дабы развеять эти праздные мечтания. Не останови они их вовремя, дядя с племянником непременно затеяли бы яростный спор о том, какими кушаньями стоит лакомиться по возвращении в родные края.

Они спорили бы со всей искренностью, но и привязанность их друг к другу была не менее глубокой.

Сам Шэнь-цзун мнил себя умудрённым опытом старцем, безуспешно пытающимся наставить на путь истинный непутёвого Ше Цзе. Ше Цзе же видел в дяде лишь лицедея, заигравшегося в своей роли.

Узнав, что вскоре примерит на себя почтенный статус двоюродного деда, Шэнь-цзун напрочь позабыл, что старше Ше Цзе всего на какой-то десяток лет. Он принялся усердно разыгрывать роль угасающего патриарха: кряхтел, читал нотации и двигался с такой напускной важностью, будто уже стоял одной ногой в могиле.

Шэнь-цзун устроился у изголовья постели на изящном кресле с резной спинкой, и несчастное дерево жалобно заскрипело, грозя вот-вот развалиться под его тяжестью.

— Глупый ты мальчишка, с чего вдруг еда на нашей родине пришлась тебе не по вкусу? В народе говорят: «Немного грязи желудку на пользу». Неужто не слышал? Нынешнее поколение совсем разнежилось, тягот жизни не знало, оттого и не цените ничего!

Ше Цзе досадливо закатил глаза:

— Можно подумать, ты сам натерпелся лишений!

По правде говоря, ни один из них и впрямь не ведал истинной нужды. Государь действительно родился в глухой провинции, но был слишком мал, когда его дед взойшёл на престол. Маленького Пэньцзы вместе со вторым братом усадили в неприметную повозку, запряжённую ослом, и отправили на север, в императорские чертоги. Там он и провёл последующие десятилетия. О родных южных краях он помнил куда меньше, чем Ше Цзе, проживший здесь последние годы.

Впрочем, всё это было неважно. Важно лишь то, что в этом году Ше Цзе не суждено было покинуть усадьбу.

— Не горюй, у тебя ведь есть любящий дядя, — видя, что Ше Цзе не то что пуститься в странствие, но даже ступить на пол не может без жестокого приступа тошноты, Шэнь-цзун устыдился и проникся величием момента. — Обещаю тебе: я так умаслю духов предков, что они будут оберегать нашу Великую Ци ещё добрых пять веков!

Эти речи ничуть не обрадовали Ше Цзе. Ему хотелось выбраться на волю самому, а не отправлять кого-то вместо себя!

Увы, суровая действительность не желала подстраиваться под капризы изнеженного Янея Ше. Раз лекарь сказал «лежать», значит, лежать. Не желая мириться с унылой участью, Ше Цзе вознамерился явить государю чудеса ловкости и лихо подняться с постели. Закончилось это плачевно: его величество имел сомнительное удовольствие созерцать, как Ше Цзе выворачивает наизнанку прямо перед императорским ликом.

Шэнь-цзун, впрочем, брезгливости не выказал. Подумаешь, стошнило! Этот сорванец в младенчестве его самого не раз умудрялся обмочить. Беспокоило правителя иное:

— Отчего на ужин тебе подали лишь жидкую кашу? Так дело не пойдёт, Туньэр. Чтобы поправиться, нужно плотно есть.

Ше Цзе лишился дара речи.

«Он что, за свинью меня держит?!»

Измученный слабостью тела, но крепкий духом Ше Цзе внезапно ощутил непреодолимое желание кого-нибудь поколотить.

— Ну а кто ты, если не поросёнок? — хмыкнул император. Само прозвище «Туньэр» означало именно это.

— Моё «Тунь» — это речной иглобрюх! — давась остатками дурноты, огрызнулся Ше Цзе,

досадливо сморщив нос.

— За то и ценю, — ухмыльнулся Шэнь-цзун, искренне потешаясь над злоключениями племянника.

Убедившись, что разум Ше Цзе по-прежнему остёр, а сам он надёжно заперт в покоях и избавлен от столичных кривотолков, государь успокоился. Под покровом темноты он покинул усадьбу так же тихо, как и пришёл.

Дядя удалился, оставив Ше Цзе один на один с бессонницей. Даже сладкие засахаренные фрукты не могли перебить скопившуюся во рту горечь лекарств.

— Быть может, почитать вам повесть? — заботливо предложил Старый управляющий, который не смел сомкнуть глаз, пока бодрствовал его господин.

— Наскучило, — отмахнулся Ше Цзе и вдруг оживился. — Расскажи-ка лучше о том, что толкуют в столице. Столько лет там не был... Сердце так и просит вестей из родного гнезда.

— Господин... — Старый управляющий замялся.

Каким бы проницательным он ни был, сейчас он оказался в тупике. Он безвыездно находился при Ше Цзе все эти годы. И пусть верные слуги доносили ему о новостях из Юнцзи, все они касались дворцовых интриг да министерских распрей — Старый управляющий лишь следил, дабы гроза не ударила по их усадьбе. Подобная сухая политика вряд ли могла развлечь праздный ум Ше Цзе.

— Ступай и приведи кого-нибудь из младших лекарей, кто ещё не лёг спать. Желательно помоложе, — распорядился Ше Цзе, у которого уже созрел план.

Старый слуга сперва опешил, но затем мягко улыбнулся. Забота Ше Цзе о его покое, пусть и облечённая в каприз, всегда была бесконечно трогательной.

Выбор пал на ученика лекаря по имени Цянь Цзя, который навещал Ше Цзе ещё утром. Разумеется, юноше не пришлось бодрствовать даром: за ночное бдение ему пообещали тройную плату, да и вызвался он сам, без всякого принуждения.

Прежде чем удалиться, Старый управляющий зажёл курильницу с успокаивающими благовониями. Напрямую уложить упрямого Ше Цзе он не мог, но сделал всё, дабы сон поскорее сморил его.

Окружённый сладковатым дымком, Ше Цзе уютно устроился под шёлковым одеялом и прикрыл глаза, приготовившись слушать.

Цянь Цзя усердно изучал искусство врачевания, но никак не владел красноречием уличных сказителей, что собирались у постоянного двора Суньян. От робости перед знатным Ше Цзе язык его заплетался, а речи казались скучными и сухими. И всё же Ше Цзе терпеливо внимал его сбивчивому рассказу.

И упорство принесло плоды — наконец-то прозвучало нечто, заставившее его прислушаться.

— «Коль рожать сына, то лишь подобного Фан Чаоцы»? — негромко повторил Ше Цзе, сквозь лёгкий гул в ушах раздумывая над услышанным.

Фан Чаоцы, обладатель высшей ученой степени чжуаньюань с прошлых экзаменов, едва разменял третий десяток, но уже прочно закрепился при дворе. Молва сулила ему блестящее будущее и скорое кресло канцлера. Мало того, лицом он был столь прекрасен, что вполне мог бы соперничать с древним красавцем Пань Анем, чью повозку восторженные горожанки закидывали спелыми плодами.

— И насколько же статен этот Чжуаньюань Фан? — любопытствовал Ше Цзе.

— «В горах, занесённых снегом, дремлет благородный муж; в залитом лунным светом лесу является дева неземной красоты», — процитировал подмастерье.

— Мудрёно, ничего не понял, — отмахнулся Ше Цзе. — Ты просто скажи: он красивее меня?

Цянь Цзя лишился дара речи.

«Лицом вы, конечно, вышли, но кто же спрашивает о таком вслух?!»

— Одарённых миловидностью в Поднебесной немало, — осторожно подбирая слова, вымолвил он, — однако истинная слава редко достаётся за одну лишь внешность.

— Тогда чем же он так прославился? — не унимался Ше Цзе. — Тем, что три года назад сорвал лавровую ветвь на экзаменах и выказал редкий ум? Неужто его дарование превосходит талант моего покойного отца?

Цянь Цзя похолодел. Этот вопрос грозил обернуться для него настоящей бедой.

Покойный родитель Ше Цзе, Ше Хэ, действительно почитался величайшим мужем своей эпохи. Его стихи, оды и каллиграфия заслужили славу лучших в Великой Ци.

Однако и Фан Чаоцы — завидный жених, о котором вздыхали все знатные девицы столицы последние три года, — обладал исключительным умом. То был редкий дар государственного мужа, коренным образом отличавшийся от поэтического изящества Ше Хэ.

Оба были великими мужами, каждый в своём роде, и сравнивать их не имело смысла. Лишь безумец стал бы сопоставлять гениев столь разных эпох и дарований.

Тем самым «безумцем» как раз и оказался Ше Цзе.

<http://bllate.org/book/19472/1951556>